

Научная статья

УДК 81'276

DOI: 10.18384/2949-5075-2026-2-1-50-65

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НОРВЕЖСКОГО ЯЗЫКА (БУКМОЛ) И ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ ВАРИАНТОВ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА В ЦЕННОСТНОМ АСПЕКТЕ

Никитина М. С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
Университет мировых цивилизаций имени В. В. Жириновского, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: mariasergnik@gmail.com*

Поступила в редакцию 04.02.2026

После доработки 19.02.2026

Принята к публикации 28.02.2026

Аннотация

Цель: определить национально-культурную специфику и общие этнические ценности норвежцев, мексиканцев, чилийцев, венесуэльцев и пуэрториканцев и показать их реализацию в ходе коммуникативного акта на примере сленгизмов.

Процедура и методы. Для решения поставленной задачи были использованы методы лингвистического наблюдения и описания, сопоставительный анализ, лингвоаксиологический подход, а также метод сплошной выборки.

Результаты. На основании анализа исследуемого материала были выявлены такие общие этнические ценности, как «честность», «дружелюбие», «личное достоинство» и «семья и романтические отношения», определена их значимость и проиллюстрированы различные способы их функционирования. По результатам проведённого исследования делается вывод, что этнические ценности реализуются в ходе акта коммуникации, детерминируют поведение партнёров по общению и выбор эмоционально-экспрессивных речевых средств.

Теоретическая и практическая значимость. Исследование помогает понять, какую роль играют этнические ценности в построении коммуникативного акта, и какими способами они могут вербализоваться в речи норвежского и латиноамериканского этноса.

Ключевые слова: лингвоаксиология, норвежский язык, испанский язык, ценности, сленг, национально-культурная специфика

Для цитирования:

Никитина М. С. Сопоставительный анализ норвежского языка (букмол) и латиноамериканских вариантов испанского языка в ценностном аспекте // Вопросы современной лингвистики. 2026. № 2. Т. 1. С. 50–65. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-2-1-50-65>

Original research article

A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE NORWEGIAN LANGUAGE (BOKMÅL) AND LATIN AMERICAN VARIETIES OF THE SPANISH LANGUAGE IN THE VALUE ASPECT

M. Nikitina

*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russian Federation*

Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow, Russian Federation

e-mail: mariasergnik@gmail.com

Received by the editorial office 04.02.2026

Revised by the author 19.02.2026

Accepted for publication 28.02.2026

Abstract

Aim. The purpose of the article is to identify the cultural identity and common ethnic values of the Norwegians, Mexican, Chileans, Venezuelans and Puerto-Ricans and to show how the implementation of these concepts determines the use of slang in the process of communication.

Methodology. To solve the problem, we used methods of linguistic observation and description, comparative analysis, linguaxiological approach and the method of continuous sampling.

Results. Based on the analysis of the study material, common ethnic values such as “honesty”, “friendship”, “personal dignity”, “family and romantic relationships” were marked out, their significance was determined, and the various ways in which they function were illustrated. The study concludes that ethnic values are realized during communication, determining the behavior of communication partners and the choice of emotionally expressive speech.

Research implications. This study helps us understand the role ethnic values play in constructing communication and the ways in which they can be verbalized in the speech of Norwegian and Latin American people.

Keywords: linguaxiology, Norwegian language, Spanish language, values, slang, cultural identity

For citation:

Nikitina, M. N. (2026). A comparative analysis of the Norwegian language (Bokmål) and Latin American varieties of the Spanish language in the value aspect. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2 (1), pp. 50–65. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-2-1-50-65>

Введение

В современной лингвистике проблема функционирования разговорной речи сохраняет высокую степень актуальности. Исследованием данного феномена занимались как отечественные, так и зарубежные учёные, в числе которых Г. В. Степанов, Н. М. Фирсова, В. А. Хомяков, У. Б. Коцинас, Т. Трити, И. К. Хасунд, Х. Эвиа и другие. Язык представляет собой динамическую систему, функ-

ционирующую в рамках определённой социальной структуры. На реализацию языковых практик воздействует комплекс экстралингвистических факторов. Академик Г. В. Степанов подчёркивает доминирующую роль социального фактора в следующих процессах: «... в регулировании процесса создания вариантов, в закреплении или упразднении вариантных форм, в использовании или неиспользовании их в коммуникативных

целях главную и решающую роль играет социальный фактор» [1, с. 128]. К числу ключевых социальных параметров, детерминирующих особенности речевой коммуникации, относятся статус партнёров по общению, их положение в социуме, престиж, уровень образования, возраст, пол и прочие ситуативные характеристики. Указанные факторы обуславливают лексико-стилистическое варьирование в процессе коммуникации. Это проявляется в степени свободы или регламентации использования разговорных, субстандартных и суперстандартных лексических единиц. Эмпирические наблюдения свидетельствуют о сопоставимом уровне влияния социальных характеристик говорящих на стилистическую вариативность указанных лексических пластов. Таким образом, социально-демографические параметры коммуникантов систематически манифестируются в ходе речевого взаимодействия [2].

Однако, несмотря на структурную целостность разговорной речи как функционального стиля, она характеризуется значительной вариативностью, обусловленной влиянием национальных вариантов языка. В связи с неравномерной степенью разработанности проблематики разговорного стиля в скандинавистике и испанистике особое внимание в данной работе уделяется специфике мексиканского, чилийского, венесуэльского и пуэрто-риканского национальных вариантов испанского языка, а также норвежского языка (букмол). Выбор языков для анализа определяется исследовательским интересом выявления взаимосвязи между ценностными системами этнических сообществ и их языковыми выражениями с позиций лингвоаксиологии.

При анализе лингвокультурных общностей представляется необходимым учитывать их национально-психологические и социальные характеристики, при этом ключевая роль в исследовании отводится аксиологическому (ценностному) компоненту. В связи с этим целью насто-

ящего исследования является выявление национально-культурной специфики и универсальных ценностей норвежского и рассматриваемых латиноамериканских этносов, а также анализ репрезентации ценностных представлений на уровне разговорной речи. Это потребовало от нас решения следующих задач: показать, какую роль играют этнические ценности в построении коммуникативного акта и какими способами они могут вербализоваться в речи норвежского и латиноамериканского этноса.

В ходе работы применялись следующие методы: метод лингвистического наблюдения и описания, позволивший выявить значимые этнические ценностные доминанты жителей Норвегии и отдельных стран Латинской Америки (Мексика, Чили, Венесуэлы, Пуэрто-Рико); сопоставительный анализ, направленный на выявление сходств и различий в языковой объективации ценностей; а также метод сплошной выборки при сборе эмпирического материала из социальных сетей, телетекстов (телесериалов) и материалов норвежских и латиноамериканских интернет-ресурсов. Отдельным предметом рассмотрения в работе становится эмоционально-экспрессивная лексика и принципы её классификации.

Материал исследования

Материалом исследования послужили эмоционально-экспрессивные лексические единицы, наиболее репрезентативные для норвежской и указанных латиноамериканских лингвокультур на примере телесериалов. Считаем, что, хотя диалоги в сериалах представляют собой текст, написанный сценаристом или автором диалога, тем не менее, на наш взгляд, они максимально близки к разговорному варианту рассматриваемых языков. В ходе исследования было проанализировано 10 лексических единиц на норвежском языке (букмол) и 24 на испанском (мексиканский, чилийский, венесуэльский и пуэрто-риканские национальные варианты).

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно способствует дополнению существующего научного знания информацией о реализации ценностей в речевых актах. Кроме того, в ходе исследования подтверждается важность аксиолингвистического подхода, который позволяет выявить этнические ценности и продемонстрировать их воздействие на употребление эмоционально-экспрессивных лексических единиц в разговорной речи.

Результаты проведённого исследования могут быть использованы при изучении национально-культурных особенностей скандинавских и латиноамериканских народов и при внедрении в практику преподавания курса по норвежскому и испанскому языку и его вариантов, а также при подготовке курсов социолингвистики, этнопсихолингвистики, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, аксиолингвистики и представлять интерес для общего языкознания в целом.

Эмоционально-экспрессивная лексика и её классификация

При рассмотрении разговорной лексики сквозь призму стилистической маркированности представляется возможным выделить несколько групп лексических единиц. К первой группе относятся стилистически нейтральная лексика, функционирующая во всех стилях литературного языка. В её составе особое место занимают бытовизмы – лексемы, не обладающие специализированной стилистической маркированностью, однако относящиеся к разговорному стилю в силу их высокой частотности в семантическом контексте обиходно-бытовой речи.

Вторую группу составляет собственноразговорная лексика, основу которой образуют лексические единицы с выраженной функционально-стилевой маркированностью. В данную категорию входят как нейтральные и экспрессивно окрашенные синонимы, так и слова, не

имеющие нейтральных либо иных стилистических эквивалентов в литературном языке. Особое место в системе экспрессивно окрашенных синонимических средств занимают усечённые лексические единицы (усечённые слова), характеризующиеся специфической стилистической нагрузкой и функционирующие преимущественно в рамках разговорного дискурса (*disco* – *discoteca*, *diver* – *divertido*, *peque* – *pequeño*, *poli* – *policía*, *secre* – *secretaria*, *trajo* – *trabajo*, *tele* – *televisor*, *tranquil* – *tranquilo*, *cari* – *cariño*) [3, с. 125]; увеличительные суффиксы: *-ón*, *-azo*, *-acho*, *-ote*, *-etón*, *-udo*, *-aco*; и уничижительные суффиксы: *-astro*, *-ajo*, *-ejo*, *-acho*, *-ucho*, *-ote*, *-uza*, *-uzco* и другие [4]. Их использование в латиноамериканской разговорно-обиходной речи в разных коммуникативных ситуациях особенно велико.

Так, в пуэрто-риканском варианте испанского языка широко распространена усечённая версия *“mano”* от слова *“hermano”* (брат). Как правило, она используется в дружеском общении: *“Oye mano, vámonos de viaje este fin de semana”*¹ (Слушай, *бро*, отправимся в поездку в эти выходные²).

Что касается норвежского языка, то, как отмечает профессор Ингрид Кристин Хасунд, в нём также выделяется ряд способов словообразовательной редукции, среди которых наиболее распространёнными являются усечение основы, суффиксация, языковая игра и модификация произносительных норм. Процесс усечения слов может осуществляться посредством элиминации начальных, конечных или срединных сегментов лексической единицы. В отдельных случаях редукция сопровождается трансформацией произношения, как, например, в лексеме *“seff”*

¹ Quinn N. 30 Puerto Rican Slang Terms That Only Make Sense In The Caribbean [Электронный ресурс] // baselang: [сайт]. URL: <https://baselang.com/blog/vocabulary/puerto-rican-slang/> (дата обращения: 19.03.2026). Далее – 30 Puerto Rican Slang Terms That Only Make Sense In The Caribbean.

² Здесь и далее перевод автора – М. Н.

(сокращённо от “selvfølgelig” «конечно»), где фонетический облик слова изменяется в зависимости от характера его сокращения. Во многих случаях происходит образование дериватов путём усечения производящей основы с одновременной суффиксацией, например, “godis”, сокращение от “godteri” («конфеты») с добавлением суффикса -is. Суффиксы также могут добавляться к словам, которые не сокращаются, например, flottings, где, к слову, flott («великий») добавлен суффикс -ings. В норвежском языке наиболее распространёнными суффиксами для экспрессивно окрашенных слов являются -is, -ing и -ings. Фонетическая и графическая игра в активно употребляющихся лексических единицах также часто используется для создания слов с яркой экспрессивной окраской, например, “halla” – вариант дружеского приветствия от hei/hallo («привет/здравствуйте») [5, S. 48–56].

В рамках анализа эмоционально-экспрессивных лексических единиц особую категорию представляет молодёжный сленг. Данный феномен не является новообразованием в языке; он существует диакронически, подвергаясь закономерным трансформациям и приобретая специфические черты под влиянием различных исторических и социальных процессов [6, с. 316]. Принципиально важным представляется тот факт, что наличие в речи молодого поколения актуальных сленгизмов служит эмпирическим подтверждением непрерывного характера языкового развития, детерминированного экстралингвистическими факторами [7, с. 137].

В отечественном языкознании при дефиниции понятия «сленг» наиболее авторитетной признается трактовка, предложенная В.А. Хомяковым. Согласно данному подходу, сленг рассматривается как «относительно устойчивый для определенного периода, широко употребительный, стилистически маркированный (сниженный) лексический пласт (имена существительные, прилагательные и глаголы, обозначающие бытовые

явления, предметы, процессы и признаки), – компонент экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык, весьма неоднородный по своим истокам, степени приближения к литературному стандарту, обладающий пейоративной экспрессией» [8, с. 11]. Исследователь подчеркивает, что общий сленг интегрирован в лексическую систему литературного языка и функционирует как «общепринятое средство стилистически сниженной речи, несущей эмоционально-оценочную нагрузку» [8, с. 11]

Скандинавские лингвисты Улла-Бритт Коцинас и Тонэ Трити считают, что сленг – это, прежде всего, творческая игра с языком. Несмотря на то, что сленг нередко негативно характеризуется как «диалект ленивого человека» [9, S. 20], он по определению является результатом словесной игры и новаторства. Без творческого смешения, трансформаций и экспериментов, как со старыми, так и с новыми словами, сленг в конечном итоге теряет свой статус «свежего» и рискует исчезнуть в обычном языке. Эти новые лексические единицы могут быть довольно прогрессивными и, таким образом, создавать впечатление, что носитель языка «изобретателен», «креативен» и «современен». Возможность использования необычных экспрессивно окрашенных слов с юмористической окраской, иронией и шокирующими элементами часто может повысить интерес к сленгу [10, S. 66]

Похожей точки зрения придерживается перуанский учёный Хулио Эвиа, «креативность сленга – это в первую очередь, собственная креативность населения сквозь время». Перуанский сленг является неофициальным языком, который чаще всего встречается в разговорно-обиходной речи и демонстрирует непреодолимую страсть к еде, отражает взгляды на различные виды дискриминации и многое другое¹.

¹ Cerdán G. F. J. Hevia: “La verdadera dinámica de la lengua está en su flujo cotidiano, su fricción permanente” [Электронный ресурс] // Entrevistas desde

По мнению норвежского учёного Ингрид Кристин Хасунд, сленг чаще всего встречается на стилистическом уровне ниже «нейтрального использования языка» [5, S. 8]. Сленг – это групповой язык с социальной и экспрессивной функцией. Таким образом, под сленгом мы будем понимать эмоционально-экспрессивную лексику, характерную для разговорной речи и не совпадающую с нормами литературного языка.

В современной лингвистике на сегодняшний день существуют различные классификации сленговой лексики. Как отмечает Хулио Эвиа, «чаще всего сленгизмы используются, когда речь заходит о мире еды и напитков, футболе, ночных вечеринках, городском насилии и романтических отношениях»¹. В работе Д. К. Бьорватн [11], посвящённой сленгу в норвежском языке, встречается более расширенная классификация:

1. Тело и пол включают слова для обозначения частей тела, функций тела и телесных действий.

2. Вечеринки и состояние опьянения связаны с алкоголем, табаком и наркотиками, а также с их употреблением.

3. Деньги и воровство.

4. Любовь и слова, связанные с влюблённостью.

5. Личные термины – это нейтральные синонимы, например, для таких слов, как «парень», «девушка», «друг» или «полиция».

6. Личные описания включают все остальные слова и оценки, относящиеся к личности. Они описывают внешность, расу, характеристики, способности и различные эмоции.

7. Повседневная жизнь включает в себя различные действия, задачи и хобби, такие как «отдых» («расслабление»).

8. Общие оценки обозначают то, что приводит в восторг, смешно, глупо или

скучно. Эти слова в основном используются для оценки и описания общих событий, таких, как «великолепно», «не очень», «раздражающе», «потрясающе», «очень хорошо» и «смеюсь вслух».

9. Сленговые слова включают в себя ругательства, оскорбления и табуированные слова, например, ffs stfu («ради бога, заткнись»).

10. Приветствия и восклицания охватывают устойчивые выражения, комментарии и слова для привлечения внимания, например, ey!, wtf («что за хрень»), wolla (араб. «клянусь Аллахом»), yolo («живёшь только раз») и норвежский вариант yolo, dleg («живёшь только раз»).

11. Другие темы представляют собой собирательную категорию слов, которые не подходят к другим категориям. Они связаны со спортом, одеждой, едой, транспортными средствами, числами и игрушками, как например, godis («конфеты»), gunner («пистолет»/«огнестрельное оружие») и dog («собака»).

12. Слова, которые ничего не описывают, не относятся к конкретному контексту и не принадлежат ни к какой другой категории. Примеры: oho («также») и fordi («потому что») [11, S. 19].

В настоящем исследовании, опираясь на предложенную классификацию, мы выявляем национально-культурные особенности и универсальные ценности, характерные для жителей Норвегии, Мексики, Чили, Венесуэлы и Пуэрто-Рико. Кроме того, в работе демонстрируется характер их влияния на речевое поведение коммуникантов и на выбор эмоционально-экспрессивных средств в рамках разговорной речи.

Анализ и результаты

Изучение романтических отношений и любви как культурного феномена показывает, что для норвежцев, как и для иных скандинавских народов, одной из ключевых ценностей являются семья и близкие люди. Семья функционирует как закрытая социальная группа, инклюзив-

Lima : [сайт]. URL: <http://entrevistasdesdelima.blogspot.com/2018/07/julio-hevia.html> (дата обращения: 18.03.2026). Далее – Entrevistas desde Lima.

¹ Entrevistas desde Lima.

ность которой ограничена кругом родственников и близких друзей [12, с. 52]. В молодёжном дискурсе, где романтические отношения играют важную роль, данная ценностная ориентация проявляется в активном употреблении сленговых лексических единиц, репрезентирующих концепты «влюблённость» и «отношения».

Рассмотрим следующий диалог из телетекста “Skam”¹:

Even: God stemming med hun Emma eller? (Хорошо провёл время с Эммой?)

Isak: Hun er på hun (Она нечто).

Even: Ja du vet at jeg og Sonja har data siden vi var 15 år eller no (Ты знаешь, что мы с Соней мутим с пятнадцати лет или около того).

Isak: Okay (Понятно).

Even: Og... jeg merker jo det at vi skli mer og mer fra hverandre. Men jeg kan ikke dumpe Sonja (И я замечаю, что мы всё больше отдаляемся друг от друга. Но я не могу бросить Соню).

Приведённый диалог демонстрирует обоюдную направленность коммуникантов на развитие романтических отношений. Вербализованные в диалогическом дискурсе эмоциональные состояния (вовлечённость, обеспокоенность) служат индикатором ценностного отношения субъектов к сфере любовных переживаний и детерминируют выбор соответствующих эмоционально-экспрессивных лексических средств. На основании проведённого анализа правомерен вывод о том, что ценность «семья и романтические отношения» является одной из доминантных в структуре норвежского менталитета.

Не вызывает сомнения тот факт, что для латиноамериканских этносов тема любви тоже остаётся одной из ведущих. Например, для чилийцев не редкость начать встречаться и довольно быстро заводить серьёзные отношения. Чилийцы очень ответственно относятся к роман-

тическим отношениям и ориентированы на создание семьи. Чили – это, прежде всего, коллективистская культура, и семья играет в обществе главную роль. Друзья противоположного пола не приветствуются, а совместное проживание до свадьбы встречается крайне редко. На публике чилийцы обычно открыто проявляют любовь и нежность, а в разговорной речи используют много сленговой лексики на данную тематику². Особо распространёнными являются лексические единицы “engrupir”, что означает «флиртывать (клеиться)» и “pololo/la” – «молодой человек (бойфренд)/ девушка». Например:

– Estaba engrupiendo a Carla (Я клеился к Клапе);

– Lucía es mi polola desde hace dos años (Люсия – моя подружка уже два года³).

Аналогичная ситуация фиксируется в Венесуэле: для представителей венесуэльского этноса семья и межличностные отношения характеризуются высокой степенью значимости. Как отмечает Н. М. Фирсова, при знакомстве считается оскорбительным, представить свою жену как “mi mujer”, вместо этого необходимо использовать уважительную форму “mi esposa” (моя супруга) или “mi señora”. Что касается эмоционально-экспрессивных лексических единиц, то они особенно популярны среди молодёжи и отличаются «дружеской, фамильярной, неформальной коннотацией» [3, с. 279–284]. Например, такие слова, как “jeva” и “cuaima” обозначают «девушку/подружку», но есть различия. В первом случае речь идёт о чьей-то девушке, во втором – об очень ревливой девушке.

² Dating in Chile: In Conversation with Jennifer Ramos [Электронный ресурс] // Pink Pangea : [сайт]. URL: <https://pinkpangea.com/2016/08/dating-in-chile-real-deal/> (дата обращения: 21.01.2026).

³ From Patagonia to Santiago: 47 Chilean Slang Words You Should Know [Электронный ресурс] // Pink Pangea : [сайт]. URL: <https://pinkpangea.com/2016/08/dating-in-chile-real-deal/> (дата обращения: 19.03.2026). Далее – From Patagonia to Santiago: 47 Chilean Slang Words You Should Know.

¹ SKAM / dir. J. Andem. Norway: NRK, 2016–2017.

– Pensé que ibas a venir con tu *jeva* (Я думал, ты придёшь со своей *подружкой*);

– Juan por fin se consiguió una novia, pero es demasiado *cuaita* (Хуан наконец-то нашёл себе девушку, но она *одержима ревностью*)¹.

Обобщение результатов анализа представленного языкового материала свидетельствует о наличии общей закономерности: функционирование сленговых единиц с семантикой любви и романтических отношений в чилийском и венесуэльском национальных вариантах испанского языка, аналогично норвежскому языку, напрямую коррелирует с актуализацией ценностного концепта «семья и романтические отношения».

Исследование лексических единиц, содержащих оценочный компонент, релевантно проводить с учётом особенностей политической культуры Норвегии, которая характеризуется высоким уровнем развития и базируется на принципах свободы, порядка и равенства [13, с. 259]. Имиджевые характеристики страны детерминированы такими факторами, как социальный мир, справедливость, высокий уровень и удовлетворённость качеством жизни [14, с. 54]. Категория благополучия в норвежском общественном дискурсе непосредственно коррелирует с идеями равноправия и равенства возможностей [15]. В системе ценностных ориентаций норвежского этноса доминирующее положение занимают сострадание, толерантность, убеждённость в равной ценности личности, искренность, свобода самовыражения, межличностное доверие, а также креативность и инновационность. Принадлежность норвежцев к индивидуалистическому типу культуры обуславливает приоритетность экспликации личностной позиции в комму-

никации [14]. В качестве подтверждения обратимся к иллюстративному материалу из норвежского телесериала “Skam”:

1) Jonas: Hvem er han *duden* der da? (Кто этот *чувак*?)

Isak: Han der? Han er sånn derre *revynørd* fra den derre gruppa til Vilde (Он? Он просто какой-то *фанат театра* из группы Вильды).

2) Even: Kul leilighet (Крутая квартира).

Isak: Takk (Спасибо).

Emma: Det er *drit kult* her, det er *sykt* fint. Assa det er kollektiv lissom, det er alltid *kule* folk her (Здесь так *круто*, просто невероятно *круто*. Это съёмная квартира, здесь всегда *крутые* люди).

Анализ представленных диалогических фрагментов показывает, что коммуниканты обмениваются мнениями, сформированными на основе личного опыта и априорных характеристик обсуждаемых лиц. На этом основании можно заключить, что ценность «честность» актуализируется в коммуникативной ситуации «высказывание мнения/впечатления» и выступает фактором, детерминирующим употребление оценочных сленговых единиц в речи говорящих.

Что касается национального характера латиноамериканцев, им свойственно частое использование «этнических апеллятивов», зачастую имеющих пейоративную окраску [3, с. 77–78]. Нередко подобные обращения основаны на внешних данных или личных качествах человека. Широко распространённое употребление данных апеллятивов в речи латиноамериканцев вызвано реализацией ценности «честность». Так, в пуэрто-риканском варианте испанского языка лексическая единица “*pelaò*” обозначает наивную и неопытную юную девушку. Например: “*Ese pelaò no sabe nada de la vida todavía*” (Эта *соплячка* ещё ничего не знает о жизни)².

¹ Quinn N. Venezuelan Slang: 40 Words To Sound Like A True Venezolano [Электронный ресурс] // baselang: [сайт]. URL: <https://baselang.com/blog/vocabulary/venezuelan-slang/> (дата обращения: 19.03.2026). Далее – Venezuelan Slang: 40 Words To Sound Like A True Venezolano.

² Más allá del español estándar: Una exploración del argot puertorriqueño [Электронный ресурс] // promova: [сайт]. URL: <https://promova.com/es/blog/puertorican-slang> (дата обращения: 25.11.2025).

В чилийском варианте испанского языка для описания очень скромного и тихого человека используется слово “*piola*”: “Fernando es bien *piola*” (Фернандо – такой *скромник/тихоня*)¹. При этом для чилийцев характерно употребление сленговых апеллятивов не только с отрицательной коннотацией, но и с положительной. Существует целый ряд наиболее популярных сленгизмов, связанных с внешностью и характером собеседника. К одним из часто используемых в разговорной речи можно отнести словосочетание “Buena onda”. Как правило, оно встречается в коммуникативной ситуации «знакомство» или с целью поделиться хорошим впечатлением о человеке: “Esa mina es buena onda” (Эта красотка такая *классная*). Если же чилиец хочет выразить мнение о богатом человеке, он будет использовать лексическую единицу “*cuico/ca*”: “Tu pololo es un *cuico*” (Твой бойфренд – *толстосум*). Для описания красивой и привлекательной девушки или молодого человека применительно слово “*Mino/a*”:

– ¡Mira ese *mino*! (Смотри, этот *красавчик*!);

– Conocí a esa *mina* en el carrete (Я встретил ту *красотку* на вечеринке)².

Интересно отметить, что в мексиканском варианте испанского языка в качестве сленговых апеллятивов часто встречаются «метафорически переосмысленные имена существительные и субстантивированные прилагательные» [3, с. 77]. Наиболее ярким примером можно считать слово “*fresa*”, которое переводится как «клубника». Однако мексиканцы под этим словом подразумевают человека, который является высокомерным снобом и считает себя лучше других: “Sabes que no me gusta salir con hombres como él, es demasiado *fresa*” (Знаешь, мне не нравится встречаться с такими мужчинами, как он, он такой *выпендрёжник*)³.

¹ From Patagonia to Santiago: 47 Chilean Slang Words You Should Know.

² Там же.

³ Quinn N. Mexican Slang: 38 Words To Make You Sound

Ещё одним примером является слово “*prieto*”. В восприятии представителей других культур данная лексема может обладать расово-дискриминационным оттенком, однако в мексиканском национальном варианте испанского языка она лишена пейоративной семантики и функционирует как нейтральный этнографический маркер, обозначающий лиц со смуглой кожей: “¿Recuerdas quién es Daniel? Mi amigo *prieto*, estuvo acá el otro día” (Помнишь Даниэля? Мой *темнокожий* друг, он был здесь на днях)⁴.

В венесуэльском варианте испанского языка также существуют метафорически переосмысленные лексические единицы, к одной из таких относится “*pilas*”. Данное слово имеет два разных значения. В первом случае его можно перевести, как «будь осторожен», во-втором – «сообразительный человек». Например:

– *Pilas* con ese cuchillo, lo afilé hoy (Этот нож *стрёмный*, я им сегодня порезался);

– Tu primo es muy *pilas*, a mi hermano le costó una semana entender ese tema en matemática (Твой кузен – реальный *ботан*, моему брату потребовалась неделя, чтобы понять эту тему на уроке математики)⁵.

Лексическая единица “*quedao*” имеет прямо противоположное значение. Обычно её используют, когда речь идёт о долго соображающем человеке, плохо понимающем шутки или намёки: “Tu si eres *quedao*, ella lleva tiempo tratando de decirte algo” (Ты – такой *тормоз*, она уже давно пытается тебе что-то сказать). И ещё одна популярная среди венесуэльцев лексическая единица с отрицательным коннотативным значением – “*sifrino*”. По своему значению она похожа на сленгизм “*fresa*” в мексиканском варианте испанского

Like A Local [Электронный ресурс] // baselang : [сайт]. URL: <https://baselang.com/blog/vocabulary/mexican-slang/> (дата обращения: 19.03.2026). Далее – Mexican Slang: 38 Words To Make You Sound Like A Local.

⁴ Там же.

⁵ Venezuelan Slang: 40 Words To Sound Like A True Venezuelan.

языка, но при этом подразумевает высокомерного человека, который покупает только самые дорогие бренды, не проработав ни дня в своей жизни. Например: “Había un grupo de *sifrinas* en el centro commercial” (Вон там компашка *мажорок* в торговом центре)¹.

Таким образом, сопоставительный анализ иллюстративного материала в норвежском языке и латиноамериканских национальных вариантах испанского языка позволяет выявить общую тенденцию: использование оценочных сленгизмов регулярно наблюдается в коммуникативных ситуациях, предполагающих выражение субъективной оценки или характеристики происходящих событий, а также лиц, вовлечённых в данные события. При этом речевое поведение коммуникантов обусловлено ценностной ориентацией на «честность», что предполагает допустимость и даже нормативность открытой демонстрации личных убеждений в процессе общения.

Далее анализу подвергаются сленговые лексические единицы, относящиеся к категориям оскорбления и инвективной лексики. Как известно, понятия вежливости и невежливости являются релятивными, что особенно заметно при сравнении различных культур, стран или даже городских сообществ. Употребление инвектив в коммуникативном акте, как правило, маркируется как отклонение от речевого этикета. Так, использование фразы “*dette var jævlig godt*” («это было чертовски вкусно») представляется неуместным в ходе семейного торжества, однако в молодёжной среде, в частности, в рамках неформального общения близких друзей, данное выражение не выходит за пределы коммуникативной нормы. Из сказанного следует, что в процессе коммуникации необходимо учитывать характер межличностных отношений коммуникантов, тематику беседы и ситу-

ативный контекст. Особого внимания заслуживают коммуникативные ситуации, детерминированные необходимостью выражения негативных эмоций (недовольства, раздражения, гнева, отчаяния). В этой связи показательно наблюдение норвежского исследователя Райдюн Аамбё, согласно которому вербальная репрезентация гнева и перлокутивный эффект сказанного обусловлены как культурными, так и индивидуально-психологическими факторами [15, S. 24]. Резюмируя вышесказанное, можно заключить, что для носителей норвежского языка особую значимость приобретает соблюдение социальной ценности «личное достоинство».

В качестве примера проиллюстрируем диалог из телетекста “Skam”:

Emma: *Dust* (*Придурок*).

Isak: Er jeg *dust*? Du synes jeg er *dust*?
Faen. Da er det to jenter som synes jeg er *dust*, både hun søte og så deg da. Nåhå oi, prøver du å drepe meg med det blikket der? Prøvde du det? Oioi! Er jeg *virkelig så dust*, synes du det? (Я *придурок*? Ты думаешь, я *придурок*? Блин. Тогда теперь две девушки считают меня *придурком*, одна милая, а вторая – ты. Ха-ха, ой, пытаешься убить меня взглядом? Ты пыталась? Ой-ой. Ты думаешь, я, правда, такой *придурок*?)

Анализ семантики данной коммуникативной ситуации позволяет заключить, что оба участника общения вербализуют негативные эмоциональные состояния: со стороны девушки наблюдается выражение обиды, тогда как молодой человек демонстрирует удивление и разочарование. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что содержательная структура диалога обусловлена апелляцией к ценностной ориентации «личное достоинство», значимой для обоих коммуникантов.

В латиноамериканских национальных вариантах испанского языка многие черты национального характера соответствующих этносов находят наиболее яркое выражение именно в языковых

¹ Venezuelan Slang: 40 Words To Sound Like A True Venezolano.

формах. В частности, это проявляется в высокой степени эмоциональности и экспансивности, что отчётливо наблюдается в области межвариативной синонимии экспрессивно-эмоциональной лексики. Примером может служить ряд синонимов с общеиспанскими доминантными словами *tonto*, *bobo* (дурак, глупец, придурок): *agüevonado* (*agüevoneado*, *agüevoniao*), *apendejado*, *boberto*, *bolsa*, *capocho*, *cipote*, *chavista*, *conejo*, *gato*, *güevón* (*hueyón*), *inútil*, *lento*, *maleta*, *Mario*, *mula*, *ñero*, *ñongo*, *pajúo* (*pajudo*), *pendejo* (*péndelo*), *pene*, *pipia*, *quedado*, *sardina*, *tara* (*tarupido*), *toche*, *tostado*, *tr olo*, *vergazo*, *zoquete* и другие. Данный синонимичный ряд особенно распространён в разговорной речи различных слоёв общества (среди них иногда встречаются образованные лица). Примечательно, что в ряде латиноамериканских стран в последние годы широко используются (не только среди низших слоёв населения, а также молодёжи) жаргонные лексические единицы, которые нередко вытесняют нормативную лексику, довольно часто употребляются табуированные ранее слова и выражения [16, с. 216–217].

В мексиканском национальном варианте испанского языка функционирует значительный пласт эмоционально-экспрессивной лексики. Так, лексема “*pinche*” употребляется для характеристики предметов или явлений, оцениваемых как нечто уродливое, ужасное либо низкокачественное. При этом в коммуникативной практике данная единица регулярно используется в функции инвективы, выполняя роль ругательства или оскорбления.

Например:

– ¡Jajaja! *Pinche* Ricardo, siempre sales con esas cosas (Хахаха! Придурок Рикардо, ты всегда выдаёшь что-то подобное);

– Eres un *pinche* idiota, Ricardo (Ты – тупой идиот, Рикардо)¹.

Ещё одной репрезентативной сленговой единицей является лексема “*chafa*”, функционально-семантический диапазон которой охватывает как характеристику предметов низкого качества, так и выражение эмоциональных состояний недовольства и разочарования.

Например: “*Esa camisa está chafa*” (Эта рубашка – *полный отстой*)².

В чилийском варианте испанского языка часто встречается эмоционально-экспрессивное выражение “¡Andate a la chucha!”, которое употребляется, когда говорящий чем-то сильно рассержен и хочет прекратить общение: “¡Andate a la chucha, Carlos! No quiero hablar más contigo” (*Иди к чёрту, Карлос! Не хочу больше с тобой разговаривать*)³.

На основе анализа вышеуказанных примеров можно констатировать, что коммуниканты выражают эмоции раздражения и недовольства, что, в свою очередь, служит индикатором неприемлемости для них сложившейся коммуникативной ситуации или поведения партнёров по общению. Из этого следует заключение, что, подобно норвежцам, для мексиканцев и чилийцев ценность «личное достоинство» представляет собой одну из фундаментальных составляющих коммуникативного поведения.

Перейдём к рассмотрению устойчивых сленговых выражений, функционирующих в качестве средств привлечения внимания и репрезентации различных эмоциональных состояний. Согласно наблюдению Райдюн Аамбё, культуры с «плоской» социальной структурой, к числу которых относится Норвегия, характеризуются меньшим объёмом и разнообразием поведенческих кодов по сравнению с «вертикальными» культурами, отличающимися выраженной иерархичностью [15, S. 7]. Данная взаимосвязь находит закономерное отражение в вы-

¹ Mexican Slang: 38 Words To Make You Sound Like A Local.

² Mexican Slang: 38 Words To Make You Sound Like A Local.

³ From Patagonia to Santiago: 47 Chilean Slang Words You Should Know.

боре речевых средств. Очевидно, что в коммуникации с друзьями, равно как и с незнакомыми лицами, норвежцы применяют различные поведенческие паттерны и лексические единицы с целью выражения вежливости или дружелюбия. Примечательно, что в профессиональной сфере для норвежцев характерен неформальный стиль общения. Как подчёркивает исследователь, «редко можно определить статус собеседника по форме приветствия или обращению по званию в разговоре с начальником, священником, политиком или учителем» [15, С. 10].

В качестве примера рассмотрим диалог из телетекста “Beforeignes” («Пришельцы из прошлого»)¹:

Lars: Nei, takk. Jeg tåler ikke gluten (Нет, спасибо. У меня непереносимость глютена).

Alfhildr: *Hva faen er gluten?* (Что за хрень этот глютен?)

Участниками данного диалога являются старший детектив Ларс и его стажёр Альфхильдр. В данной коммуникативной ситуации напарница угощает детектива сэндвичем и на его отказ реагирует при помощи сленговой лексической единицы “Hva faen/ Fy faen”, что свидетельствует о неформальных отношениях между ними и проявлении дружелюбия.

Рассмотрим ещё несколько примеров из телетекста “Skam”, где наряду с популярным восклицанием “Hva faen/ Fy faen” встречается распространённое среди молодёжи приветствие “halla”:

1) Isak: *Halla* (Здорóво).

Mahdi: *Halla sviker* (Здорóво, предатель).

Jonas: *Halla tan* (Здорóво, чувак).

Isak: *Sviker? Hva faen?* (Предатель? Какого хрена?)

2) Сообщение другу: “*Halla, takk for i går. Hva er planen i dag?*” (Здорóво, спасибо за вчера. Какие на сегодня планы?)

3) Even: Sonja har aluminiumsben. Hun tråkket på en landmine på Tjøme når hun var 9 år gammel. (У Сони алюминиевая нога. Она наступила на мину в Хьёме, когда ей было девять лет).

Isak: Du *kodder*. Du *kodder*? Ja? *Fy faen*, hvordan kan du *kodde* sånt? (Ты *прикалываешься*. Ты *прикалываешься*? Да? Блин, как ты можешь так *прикалываться*?)

Even: Trur du virkelig det fins landminer på Tjøme eller? (Ты, правда, веришь, что в Хьёме есть наземные мины?)

Isak: Jeg veit da *faen* jeg. Men assa- du kan ikke *kodde* med noe sånt (Да *хрен* его знает. Но ты не можешь *прикалываться* такими вещами).

Как можно заметить, во всех рассмотренных примерах участники диалогов принадлежат к близкому дружескому кругу, что находит непосредственное отражение в использовании значительного количества неформальных приветствий и восклицательных конструкций. Как отмечалось ранее, функционирование данных сленговых единиц является релевантным преимущественно в дружеской среде либо в ситуациях, когда коммуникант намерен продемонстрировать собеседнику дружелюбное расположение. Таким образом, обобщая результаты анализа примеров из двух анализируемых телевизионных текстов, можно утверждать, что употребление сленговых средств с целью аттракции внимания и выражения эмоций в норвежском языке детерминировано ценностной ориентацией на «дружелюбие».

По сравнению с норвежцами латиноамериканским этносам свойственна большая эмоциональность и экспансивность. Как отмечает Н. М. Фирсова, когда латиноамериканцы собираются большими группами, им свойственна громкая, быстрая речь и частый громогласный смех. Латиноамериканцы общительны, доброжелательны, гостеприимны и очень ценят дружбу [16, с. 216], что находит ярчайшее отражение в их национальных вариантах испанского языка. Далее более подробно

¹ Beforeignes / dir. J. Lien. Norway: Rubicon TV AS? 2018–2022.

будут рассмотрены эмоционально-экспрессивные восклицания и обращения в пуэрто-риканском, венесуэльском и мексиканском национальных вариантах испанского языка.

Так, в Пуэрто-Рико для выражения широко спектра эмоций от радости до грусти и удивления используется лексическая единица “¡Ay bendito!” (Нифига себе! Ого!). Например: “¡Ay bendito! que alegría verte” (*Нифига себе! Как здорово увидеть тебя!*)¹. В качестве приветствия, как правило, употребляется слово “mea” (Эй/Слушай) [17, с. 140].

В Венесуэле к наиболее распространённым сленговым восклицаниям относятся “¡Chamo!” и “¡Si va!”. Лексическая единица “¡Chamo!” (Чувак) обычно используется для привлечения внимания и может употребляться как по отношению к друзьям, так и незнакомым людям. Например: “¡Chamo! Tiempo sin verte, ¿qué tal todo?” (*Чувак! Давно тебя не видел, как дела?*). Восклицание “¡Si va!” (Лады/ладушки/океюшки) является кратким комментарием, выражающим согласие или понимание со стороны собеседника. Например: “¡Si va! Nos vemos a las cinco entonces” (*Лады! Тогда увидимся в пять!*)².

В Мексике данную функцию выполняют слова “¡Órale!” (Бай!) и “Güey” (Чувак/чел). “¡Órale!”, как правило, имеет множество различных семантических значений, таких как удивление, одобрение и энтузиазм. Например: “¡Órale! ¿Y tu desde cuando trabajas tanto?” (*Бай! И с каких это пор ты так много работаешь?*)³. Сленгизм “Güey” по своему значению похож на венесуэльский “¡Chamo!” и обычно используется для обращения к друзьям или знакомым. Иногда приобретает саркастический от-

тенок в случае неприятной коммуникативной ситуации с незнакомцем: “¡Mira güey, ¿salimos hoy o que?” (Эй, чувак, мы сегодня идём куда-нибудь или как?)⁴.

Проведённый анализ вышеуказанных примеров свидетельствует о том, что в разговорной речи представителей латиноамериканских этносов наблюдается устойчивая тенденция к упрощению структуры коммуникативного акта, что находит выражение в многообразии неформальных восклицаний и сленговых форм обращения к собеседнику. Из этого следует, что, аналогично норвежскому языку, ценностная ориентация на «дружелюбие» детерминирует выбор эмоционально-экспрессивных речевых средств в мексиканском, венесуэльском и пуэрто-риканском национальных вариантах испанского языка.

Заключение

Таким образом, феномен национально-культурной специфики находит отчётливое выражение в сфере разговорной речи. Национальная межвариантная специфика коммуникации в латиноамериканских вариантах испанского языка и норвежском языке (букмол) особенно рельефно проявляется в использовании эмоционально-экспрессивных лексических единиц, в частности сленгизмов. Наиболее часто встречающимися лексическими единицами в норвежском языке (букмол) являются: “halla” (здорово) и “hva faen / fy faen” (какого хрена). Что касается латиноамериканских вариантов испанского языка (мексиканский, чилийский, венесуэльский и пуэрто-риканский), все рассмотренные лексические единицы встречались с одинаковой частотой употребления. Анализ иллюстративного материала позволил выявить общие этнические ценности, детерминирующие речевое поведение носителей рассматриваемых языков. Были выявle-

¹ 30 Puerto Rican Slang Terms That Only Make Sense In The Caribbean [Электронный ресурс]. URL: <https://baselang.com/blog/vocabulary/puerto-rican-slang/> (дата обращения: 19.11.2024).

² Venezuelan Slang: 40 Words To Sound Like A True Venezolano.

³ Mexican Slang: 38 Words To Make You Sound Like A Local.

⁴ Mexican Slang: 38 Words To Make You Sound Like A Local.

ны такие общие этнические ценности, как «честность», «дружелюбие», «личное достоинство» и «семья и романтические отношения», определена их значимость и проиллюстрированы различные способы их функционирования.

Так, ценность «честность», объединяющая норвежский язык, а также мексиканский, чилийский, венесуэльский и пуэрто-риканский варианты испанского языка, актуализируется в выборе речевых средств, ориентированных на открытое выражение собственного мнения. Ценность «дружелюбие» проявляется в стремлении к упрощению речевого взаимодействия между коммуникантами и реализуется путём использования неформальных приветствий и восклицаний в норвежском языке, мексиканском, венесуэльском и пуэрто-риканском вариантах испанского языка. Ценность «семья и романтические отношения», являющаяся общей для норвежского языка, чилийского и венесуэльского вариантов испанского языка, обуславливает употребление сленговых лексических единиц соответствующей тематической направленности. Ценность «личное достоинство» находит отражение в использовании инвективной лексики, выражающей негативные эмоции (гнев, раздражение, обида), в норвежском языке, мексиканском и чилийском вариантах испанского языка.

Следовательно, можно заключить, что лексико-стилистическое варьирование и употребление эмоционально-экспрессивных лексических единиц различного спектра в норвежском языке (букмол) и в латиноамериканских вариантах испанского языка (мексиканском, чилийском, венесуэльском, пуэрто-риканском)

представлено достаточно широко, что детерминируется не только социальной структурой соответствующих обществ, но и ценностными ориентациями данных этносов. Таким образом, применение аксиолингвистического подхода позволяет заключить, что этнические ценности выступают неотъемлемым компонентом коммуникативного акта и оказывают определяющее влияние на вербализацию соответствующих языковых средств.

Теоретическая значимость проведённого исследования заключается в развитии положений лингвоаксиологии и социолингвистики: работа вносит вклад в понимание механизмов влияния этнических ценностей на построение коммуникативного акта и выбор эмоционально-экспрессивных средств (в частности, сленга). Выявлены не только универсальные ценностные доминанты («честность», «дружелюбие», «личное достоинство», «семья и романтические отношения») в типологически разных языках (норвежском и латиноамериканских вариантах испанского), но и показано, как эти ценности детерминируют речевое поведение. Практическая значимость работы определяется возможностью использования её результатов в учебном процессе при разработке курсов по межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, этнопсихолингвистике, а также при преподавании норвежского и испанского языка (с учётом национальных вариантов). Полученные данные могут быть полезны для специалистов в области перевода, социолингвистики и всех, кто изучает национально-культурную специфику речевого общения скандинавских и латиноамериканских народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанов Г. В. К проблеме языкового варьирования: Испанский язык Испании и Америки; 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2004. 325 с.
2. Токарева И. Е. Лексико-стилистическая вариативность языка: социальный и гендерный аспекты: (На материале произведений Джона Фаулза): автореф. дис. ... канд. фил. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 22 с.
3. Фирсова Н. М. Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 342 с.

4. Федосова О. В. О языке современной испанской молодежи // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. № 2 (26). С. 62–67.
5. Hasund I. K. *Slang*. Oslo: Kunnskapsforlaget, 2006. 109 S.
6. Горемыкина О. И. Английские заимствования как источник пополнения современного молодежного сленга // Наукосфера. 2022. № 11-1. С. 315–319.
7. Смеюха В. В. Функционирование молодежного сленга в СМИ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2023. Т. 9. № 2. С. 137–148.
8. Хомяков В. А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1980. 39 с.
9. Tryti T. *Norsk Slang*. Oslo: Universitetsforlaget, 1984. 233 S.
10. Kotsinas U.-B. *Ungdomsspråk*, 3. uppl., Uppsala: Hallgren & Fallgren, 2004. 184 S.
11. Bjorvatn D. K. *Slang i norsk. Forskningskampanjen 2014. Masteroppgave*. Oslo: Universitet i Oslo, 2015. 92 S.
12. Оришев А. Б. Норвежцы: социокультурный портрет // Вестник экспериментального образования. 2021. № 2 (27). С. 48–58.
13. Денисюк Н. П., Мельников А. П. Политическая культура Норвегии // Вучоныя запіскі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна. 2012. № 8-1. С. 250–256.
14. Мартыненко В. О., Чернышов Ю. Г. Формирование норвежского национального самосознания в период датско-норвежской унии (1536–1814 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2024. № 2 (136). С. 53–61. DOI: 10.14258/izvasu(2024)2-08.
15. Aambø R. *Typisk norsk å være uhøflig*. Volda: Volda University College, 2008. 143 S.
16. Фирсова Н. М. Основные черты национального характера венесуэльцев // Вопросы иберо-романистики. 2013. № 12. С. 215–219.
17. Говорова Л. А. Лингвокультурологические параметры идентичности пуэрториканцев // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 4. С. 136–143. DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-136-143.

REFERENCES

1. Stepanov, G. V. (2004). *On the problem of linguistic variation: The Spanish language of Spain and America*. Moscow: Editorial URSS publ. (in Russ.).
2. Tokareva, I. E. (2006). *Lexical and stylistic variability of language: social and gender aspects (Based on the works of John Fowles)* [dissertation]. Rostov-on-Don (in Russ.).
3. Firsova, N. M. (2007). *Modern Spanish in Spain and Latin America*. Moscow: AST publ., Vostok–Zapad publ. (in Russ.).
4. Fedosova, O. V. (2008). On the language of modern Spanish youth. In: *Izvestiya of the Volgograd State Pedagogical University*, 2 (26), 62–67 (in Russ.).
5. Hasund, I. K. (2006). *Slang*. Oslo: Kunnskapsforlaget.
6. Goremykina, O. I. (2022). English loanwords as the source of replenishment in contemporary youth slang. In: *Naukosfera*, 11-1, 315–319 (in Russ.).
7. Smeyukha, V. V. (2023). The functioning of youth slang in the media. In: *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*, 9 (2), 137–148 (in Russ.).
8. Khomyakov, V. A. (1980). *Non-standard vocabulary in the structure of the English language of the national period* [dissertation]. Leningrad (in Russ.).
9. Tryti, T. (1984). *Norsk Slang*. Oslo: Universitetsforlaget.
10. Kotsinas, U.-B. (2004). *Ungdomsspråk*. Uppsala: Hallgren & Fallgren.
11. Bjorvatn, D. K. (2015). *Slang i norsk. Forskningskampanjen 2014. Masteroppgave*. Oslo: Universitet i Oslo.
12. Orishev, A. B. (2021). Norwegians: sociocultural portrait. In: *Journal of experimental education*, 2 (27), 48–58 (in Russ.).
13. Denisuk, N. P. & Melnikov, A. P. (2012). Political culture of Norway. In: *Scientific Proceeding of Brest State A. S. Pushkin University*, 8-1, 250–256 (in Russ.).
14. Martynenko, V. O. & Chernyshov, Yu. G. (2024). The Formation of the Norwegian National Identity during the Danish-Norwegian Union (1536–1814). In: *Izvestiya of Altai State University*, 2 (136), 53–61. DOI: 10.14258/izvasu(2024)2-08 (in Russ.).

15. Aambø, R. (2008). *Typisk norsk å være uhøflig*. Volda: Volda University College.
16. Firsova, N. M. (2013). The main features of the national character of Venezuelans. In: *Ibero-Romance Studies*, 12, 215–219 (in Russ.).
17. Govorova, L. A. (2023). Linguistic and cultural parameters of the identity of Puerto Ricans. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 4, 136–143. DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-136-143 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никитина Мария Сергеевна (г. Москва) – кандидат филологических наук доцент кафедры английского языка 1 Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; доцент кафедры теории, практики и дидактики перевода Университет мировых цивилизаций им. В. В. Жириновского;
<https://orcid.org/0000-0002-0046-2593>; e-mail: mariasergnik@gmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mariia S. Nikitina (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of English Language no. 1, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Assoc. Prof., Department of Theory, Practice and Didactics of Translation, Zhirinovskiy University of World Civilizations;
<https://orcid.org/0000-0002-0046-2593>; e-mail: mariasergnik@gmail.com